

их, чтобы заставить трудиться во благо или во вред людям. Слабому магическому специалисту, чей обряд посвящения был ограничен выходом в полночь на лесную росстань для представления лешему², для вызова духа природной стихии приходилось трудиться намного больше. Обычно по каждому конкретному поводу надо было в полночь идти в лес на росстань, выкрикивать свою просьбу, бросать в крону дерева или к его корням приношение или «серебряные деньги». Как нам не раз сообщали, магический специалист, оставив свое приношение, быстро-быстро уносил домой ноги из опасения подвергнуться нападению этих духов. Люди же, прошедшие обряд посвящения в бане, дальше «своего» дерева в собственном дворе почти никогда не ходили и не ходят. Принимая посетителей, они просто отдают приказы духам подвластных им стихий, произнося заговоры у окна в своем доме. Число духов природных стихий и домашних духов, подвластных одному знахарю, могло колебаться от 9 (у русских) до 12 (у карел). Самым самостоятельным из духов считается дух огненной стихии. По нашим записям, этот дух подчиняется лишь одной древней старухе из Лоухского р-на (на севере Карелии) да еще одному 45-летнему экстрасенсу из Петрозаводска.

Что касается современных экстрасенсов Петрозаводска, то многие из них сообщали, что они тоже проходили через своеобразный обряд посвящения в целители. Во время медитаций, жесткого поста или временной остановки сердца им являлись впервые их «учителя» (в самом разном виде: от седобородых старцев и Богородицы до говорящей куклы), предрекали будущее и обещали свое покровительство. Иерархия могущества у экстрасенсов Петрозаводска выражена на незримом для простого смертного уровне. Знаки могущества якобы видны им над головой друг дружки. Самый низкий ранг — это «диадема» на челе³, чуть выше — «обруч» на голове, еще выше — обруч с выгнутой перемычкой над теменем, еще выше — корона о 7-ми, 9-ти, 14-ти или 21-м золотых зубцах. Экстрасенсов с короной в «тридевять» (27) золотых зубцов, по их словам, в Карелии никогда еще не было.

Все эти сведения — лишь малая часть собранной нами информации. Исследование хотелось бы продолжить, но все будет зависеть от удачности поисков средств для новых экспедиционных поездок.

Примечания

¹ Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 2. Былички, бывальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск, 2000. С. 29 и сл.; Логинов К.К. Колдуны Заонежья истинные и мнимые // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера (доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-99»). Петрозаводск, 2000. С. 182.

² Наши записи содержат фольклорный сюжет о том, что во время передачи местного лешего от прежнего магического специалиста к новому леший пытался «откупиться» — бросал на росстань ковры, цветастые платки и т.п. Если восприимчивник начинал зариться на эти вещи, обряд посвящения срывался, а леший получал полную свободу как от прежнего, так и от несостоявшегося нового хозяина.

³ По мнению экстрасенсов, традиционные знахари (даже высокого уровня) не имеют в ауре головы даже «диадемы».

Д. ФУДЗИВАРА

«НАСТОЯЩЕЕ» И «НЕНАСТОЯЩЕЕ» В РУССКОЙ МАГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Пересмотр фольклорной практики

Моя экспедиция начинается, как только самолет из Японии приземляется в аэропорту Шереметьево. Летом 2002 г. я впервые приехала в экспедицию в Россию. Интересуясь русской магической традицией, я собиралась поехать в отдаленные деревни порасспрашивать старых «знающих» людей, то есть знахарок, колдунов и т.д. В общем, собирать «остатки» старых времен. Но сразу оказалось, что это не совсем правильно. Ведь не только в деревне, но и в городе, на даче, в поезде и даже в институте вокруг меня неожиданно возникали разговоры о магических происшествиях. А в газетных рекламах со стопроцентной гарантией столько «знающих» обещают снять порчу, вернуть мужа, обеспечить успех в бизнесе, избавить от запоя. В книжных магазинах продаются разные «практические» книги по магии. По телевидению и радио тоже демонстрируется магия. И если случается какая-то беда, то не только деревенские старики, но и молодые люди или люди с высшим образованием тоже обращаются к «знающим», пользуются заговорами. Действительно, в современной России старина жива. Таким образом, все, что я встречала в России, стало для меня объектом исследования, начиная с деревенских бабушек до эзотерических книжных магазинов и даже фольклористов-этнографов. В настоящей работе рассматривается, какая традиция считается «настоящей» и «ненастоящей», кто так считает, с какого времени и почему.

В литературе 1970-х-1980-х гг. понятие традиции подверглось значительному пересмотру. Как верно отмечает японская фольклористка М. Иватакэ, «то, как настоящее связано с прошлым, какие элементы прошлого считать традицией определяется в зависимости от конкретной исторической или политической ситуации. Ни в коем случае прошлое не является неизменным. Обычно прошлое трактуется с позиций настоящего времени»¹.

Как свидетельствует английский историк Э. Хобсбаум, «традиции», которые кажутся старыми или претендуют на то, что они старые, часто оказываются совсем недавнего происхождения и нередко — изобретенными»².

Далее будет описано, как живет традиция в современной России и в каком контексте она родилась. При описании будут использованы полевые материалы, собранные летом 2002 и 2003 гг. В качестве районов исследования были избраны Республика Карелия (в том числе г. Петрозаводск, г. Беломорск, их окрестности и поселения Водлозерья Пудожского р-на),

Архангельская обл. (г. Онега и его окрестности) и г. Петербург. Экспедиции состоялись большей частью совместно с К.К. Логиновым из Петрозаводска³.

«Шарлатаны» выпускают «псевдофольклорные издания»

«Знающие», которые активно выступают в средствах массовой информации (далее «масс-знающие»), появились в России в начале 1990-х гг. с распадом СССР и отменой цензуры. Они призывают к восстановлению знания предков. Публикуя поток различных заговоров, они советуют людям изучать магию для здоровья и счастья — своего и близких людей. Однако, «образованные» люди скептически относятся к такого рода «знающим». Часто можно услышать такие слова, как «Они ненастоящие!» или «Шарлатаны!».

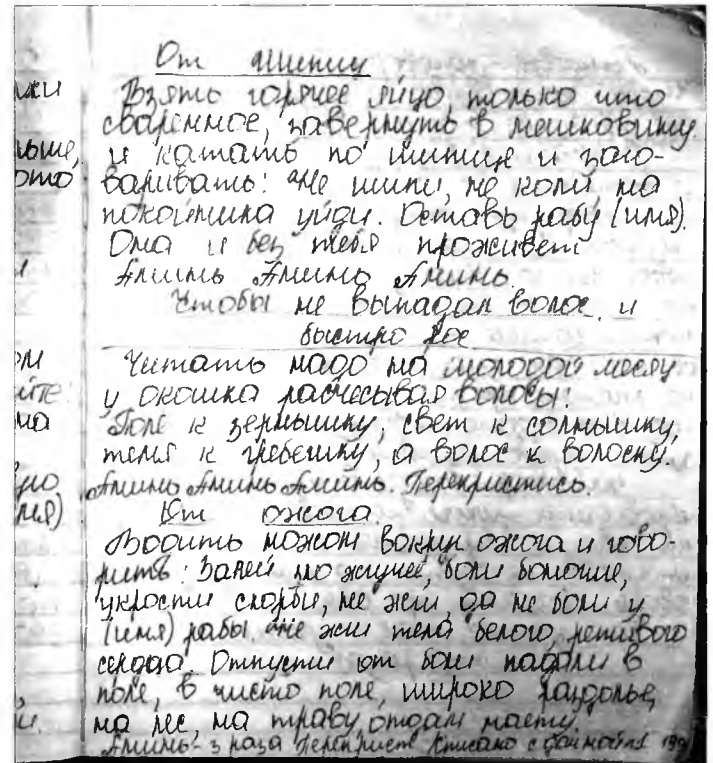
Фольклористы-этнографы также критикуют их. Например, специалист по заговорам В. Кляус, называя по именам «масс-знающих» в своей рецензии, в том числе Н.И. Степанову⁴, Ю. Лонго, И.А. Васильева, осуждает их книги, как «псевдофольклорные издания». По его мнению, тот факт, что там перепечатываются заговоры из собраний прошлого века или даются тексты неизвестного происхождения, возможно их собственного сочинения, говорит о необходимости новых серьезных публикаций⁵.

Как известно, раньше магическое знание было тайным. Оно передавалось только одному или нескольким близким людям. Верили, что если сказать кому-нибудь заговор, то его сила теряется. Поэтому тексты заговоров всегда были трудной, даже «закрытой» информацией для собирателя⁶. Эта традиция до сих пор не исчезла окончательно. Так, в наших экспедициях «знающие» не всегда делились с нами заговорами. Легче всего нам доставались тексты заговоров в том случае, когда «знающего» уже нет, а никому не переданная тетрадь с заговорами осталась в семье. Тогда потомки «знающего» спокойно показывали нам все, считая, что сила слов уже потеряна.

Согласно традиции, заговоры, напечатанные и изданные массовым тиражом, не могут «помогать», хотя по тексту они похожи на традиционные. Однако редакторы книг обычно утверждают, что с помощью знания, доступного всем читателям, каждый может стать «настоящим знахарем»⁷. И очень много людей верят в их целительную силу, пользуются ими и глубоко благодарны тем, кто напечатал такие полезные на все случаи жизни слова. «Масс-знающих» почитают за то, что они вернули людям традицию, разрушенную Советской властью.

Например, «сибирская целительница» Н. Степанова — по Кляусу автор псевдофольклорного издания — одна из самых известных «масс-знающих». Она издает заговоры с 1990 г. Насколько мне известно, у нее более 90 изданий, некоторые из которых практически идентичны по содержанию. 15-й том ее серии «Заговоры сибирской целительницы» издан в 2003 г. тиражом 250000 экземпляров. К ней обращаются по почте и по телефону со всех концов бывшего Советского Союза. Некоторые из бабушек, с которыми мне довелось встречаться в деревнях, тоже имеют ее книги, пользуются ими. Как исследователю мне неинтересно, помогают ли ее заговоры или нет. Здесь важен тот факт, что печатные заговоры воспринимаются многими людьми как имеющие магическую силу.

Тогда возникает вопрос: кто же пользуется такими «ненастоящими», с точки зрения исследователей, заговорами? Может быть, советский человек, не имеющий представления о

Тетрадь с заговорами из Архангельской обл. 2002 г.

традициях? Да, конечно, есть люди, которые через средства массовой информации недавно узнали о «действенности» магии. Но, как мы дальше увидим, даже те самые деревенские знахарки — носители традиции — тоже не равнодушны к печатным заговорам.

«Знающие»,

посвященные в тайное знание по наследству

Хотелось бы познакомить читателей с тремя «знающими», которых мы с коллегой Логиновым встречали в экспедициях. Все они имеют знание, переданное по наследству от матери, свекрови, свекра или знакомых. Мы специально не спрашивали их о современных печатных заговорах, это неожиданно стало предметом разговора в ходе беседы. Поэтому вопрос о том, насколько много знахарок пользуется печатными заговорами, остается открытым и является предметом дальнейшего изучения. Из этических соображений имена информантов изменены, а точные места проживания не указаны.

Пример 1:

Лариса Назаровна (далее — Лариса, 1920 г.р.)

Лариса живет в деревне «А» у самого озера в Республике Карелия. Она — самая известная знахарка в этой деревне. По рассказам одной молодой матери-односельчанки, когда ребенок рождается, все матери приходят к ней, чтобы она заговаривала ребенка от болезней.

Мать Ларисы, состарившись, постепенно передала ей свое знание. Мать говорила ей заговоры «изо рта в рот» — то есть передавала устно. Кроме матери некоторые заговоры были получены от знакомых. По мнению Ларисы, сила заговора сохраняется только при устной передаче. Все сказанные заговоры она держала в своей голове, не записывала.

Теперь Лариса уже старая, поэтому передала свое знание дочери, которая работает педагогом в городе. Однако дочь говорит, что не может все запомнить. Поэтому заговоры, переданные Ларисой, дочь записала на бумагу. Лариса считает, что заговоры можно передавать до трех раз. При последующих передачах сила заговора теряется.

Лариса рассказала нам разные заговоры: от фурункула, от кровотечения, от золотухи, от призора, от дурного глаза на скотину, от зубной боли, от утиной, от родимца. Кроме того, те слова, которые говорят в таких случаях, когда строят дом, когда входят в новый дом, когда просят водяного царя выбросить утопленника, когда отправляют скотину через озеро, когда обливают дитя в бане.

Чтобы отблагодарить за эту информацию, мой коллега предложил ей взамен несколько заговоров, которые мы собрали во время экспедиции. Он сказал, что некоторые из них уже «помогали», когда нам было плохо. Тогда Лариса строго сказала, чтобы он не говорил о том, что заговор помог, и чтобы никому не пересказывал заговор. По мнению Ларисы, заговор помогает человеку до тех пор, пока он не передан другому. Поэтому если мы расскажем заговор Ларисе, он перестанет нам помогать.

Лариса объяснила, что если слово принято «изо рта в рот», оно лучше действует. Затем упомянула о книгах с заговорами в продаже. Лариса сомневается в том, будут ли они действовать. О книге, которую она когда-то читала на базаре, она сказала: «чепуха».

Однако в то же время она сказала с осуждением, что у ее злющей племянницы-соседки есть три такие книжки, где написано, как портить людей. Она с возмущением рассказала, как племянница наматывала нитку на ее забор и как положила иголку за порогом дома Ларисы. Мы спросили Ларису, помогает или нет купленная книга. Она сказала, что это зависит от того, через какие руки прошла. Сказала, что такие книжки никакого толка не дают, а себе «беды наклеивают».

Пример 2:

Анна Викторовна (далее — Анна, 1961 г.р.)

Анна живет в деревне «Б» тоже у озера в Карелии. По образованию она зоотехник. В настоящее время — домохозяйка. Держит коров. Как она объяснила, магическое знание не передается, пока самому младшему ребенку не исполнится 16 лет. Когда ее младшей дочери исполнится 16 лет, знание можно передавать двум людям младше себя. Одному кровному, а одному чужому.

В деревне «В», которая находится в том же районе, есть дед, который очень-очень много знает. Он ей рассказал, как по озеру не боясь ехать, как не бояться волны и т.д. У него целая тетрадь, которую он дал Анне переписать. Недавно умершая бабушка Настя, которая жила в соседнем доме, тоже много знала. Настя учила Анну всю жизнь. Немного в это лето, еще немного — в следующее.

Анна рассказала нам разные заговоры: на сон, на водку от пьянства, от радикулита, от крови, от зубной боли, от бородавки, от чирья, от сглаза, от тоски, присушку (приворот) с использованием могильной земли. Кроме того, те слова, которые говорят в таких случаях, когда рождается теленок, когда в новый дом входят, когда входят в баню, когда человек умирает, когда умершая приходит, когда детей обливают. Еще рассказала слова, чтобы муж не распускал на жену руки, чтобы

молоко доилось, чтобы рыба хорошо ловилась, чтобы все утих, чтобы проданная скотина не возвращалась назад. Но Анна не помнит всех слов наизусть. Все записано в тетрадь, которая находится в доме, где Анна проживает только зимой. Однако некоторые вещи Анна так и не рассказала: например, как навести порчу на мужчину, чтобы у него перестало получаться что-либо с женой. Это тайное знание.

По ее мнению, люди придумали заговоры и магические обряды. Затем люди их проверили и убедились в их действительности. Во время интервью вместе с Анной сидели три ее дочери: двое — подростки и одна взрослая с маленьким ребенком. Они тоже рассказали, что иногда практикуют магию.

Мы попросили сфотографировать заговоры из ее тетради. Там были записаны заговоры, полученные от разных людей, начиная с вышеупомянутого деда. Анна интересуется заговорами, поэтому все записывает. Она сказала, что там записаны даже заговоры на ссору и на раздор.

Через несколько дней мы встретились в ее зимнем доме. Она разрешила нам снимать только первую половину тетради. Пока я фотографировала, она все стояла возле меня, чтобы мы не смотрели вторую половину. Мы сняли 31 страницу, и там было 36 разных заговоров и молитв. Кроме того, были магические обряды без слов, приметы, месяцеслов и знания о травах.

После того как я вернулась в Японию, я заметила, что в тетради на многие записи поставлены номера. Но некоторые номера пропущены. Из этого следует, что по крайней мере часть тетради переписана из печатных источников. Возможно, она брала оттуда только нужные слова. В тетради записан и заговор от тараканов, мышей и крыс. Он сопровождается обрядовым действием: «Плотно закрыть крышкой и с 4 до 6 утра, во время моего контакта, выйти в безлюдное место...». Этот заговор явно опубликован каким-то «масс-знающим», который рекомендует регулярно иметь магический контакт с ним. Скорее всего, она показала нам только уже опубликованные заговоры. А заговоры, переданные разными людьми, например заговоры на ссору и на раздор, — не показала.

Когда она разрешила нам фотографировать заговоры из ее тетради, мой коллега предложил передать ей свою тетрадь с заговорами, записанными в экспедиции. Она согласилась, и попросила его так упаковать тетрадь, чтобы чужие глаза не видели. Он обещал, но от занятости забыл передать тетрадь. Когда мы приехали через год, Анны не было дома. А муж ее сказал нам, что недавно она вспоминала нас и жаловалась на то, что мы не сдержали обещание.

Пример 3:

Нина Никифоровна (далее — Нина, 1950 г.р.)

Нина живет в Архангельской обл. в поселке «Г». Родилась она в Вологодской обл. В 1967 г. ее распределили работать в район, где она живет и сейчас. В 19 лет она вышла здесь замуж и какое-то время жила с родителями мужа. У нее трое детей. С мужем Нина жила очень плохо. За 31 год совместной жизни, до того как муж погиб на рыбалке, они целовались только на свадьбе, когда им кричали «горько».

По словам Нины, она вышла замуж не по своей воле, не по любви, а свекровь-колдунья ее «приколдовала». Нина понравилась будущей свекрови тем, что она трудолюбивая и все умеет делать. Об этом Нина узнала позже от подруги свекрови. В поселке все знали, что свекровь умеет колдо-

Нина говорит, что свекровь вместе с другой колдуньей переженили полпоселка. И своего мужа свекровь отбила у прежней жены. Нина с мужем не могли развестись: от соседки-родственницы Нина слышала, что свекровь, завязывая носок у Нины, «завязала» ее с мужем, чтобы никуда не ушли друг от друга. По мнению Нины, свекровь получила знание от своей матери.

Вообще Нина со свекровью не ладила. Но когда Нина родила первого ребенка, свекровь принудила ее научиться заговаривать грыжи, выводить «щетинку» (ее старший ребенок был весь в «щетинке»), заговаривать, чтобы не слезили. Хотя сначала Нина и не придавала этому значения, свекровь настояла, чтобы Нина записала ее заговоры. Нине до сих пор непонятно, почему свекровь передавала свое знание именно ей, а не дочери или другой снохе. Благодаря знанию, переданному свекровью, ее младший сын не погиб, когда служил в Чечне. Кроме свекрови, Нине также передавали заговоры свекор и тетя Надя, которая жила на подселении. Нина думает, что свекор получил их от одной из своих сестер, а тетя Надя — от кого-то из деревни.

Недавно сноха Нины родила дочку, но дочь больная. Поэтому Нина рекомендовала снохе использовать заговоры. Сноха все заговоры переписала. Но в поселке, где живет Нина, она старается, чтобы к ней никто не обращался, потому что, если Нина будет кому-то чем-то помогать, люди начнут сплетничать, что она колдунья.

Теперь Нина уже не может заговаривать, так как она потеряла все свои зубы. Нина сказала, что может рассказать нам все заговоры, но они уже не помогут. Она разрешила нам сфотографировать две ее тетради с заговорами, которые для нее жизненно важны. Там кроме заговоров, полученных от свекрови, свекра и тети Нади, были заговоры болгарской целительницы Ванги. Дочь Нины переписала их для матери из газеты. Когда дочь предложила их переписать, Нина попросила сделать это другими чернилами, чтобы знать, где что. Дочь записала эти заговоры красными чернилами.

Кроме того, в тетрадях был один заговор от ожога. В конце этого заговора сказано, что списан с газеты «Дачная»⁸, с одного из номеров за 1998 г. «Дачная» — это газета для садоводов, огородников и фермеров. В газете читатели обмениваются друг с другом советами. Также часто печатаются полезные, чаще всего лечебные, заговоры. В этих двух тетрадях три почерка — Нины, ее дочери и тети Нади. Судя по почерку, заговор из «Дачной» газеты был записан тетей Надей. Перед смертью свою тетрадь она отдала Нине. В двух тетрадях всего 37 заговоров и молитв, не считая заговоров Ванги (от невнимательности я их пропустила и не сфотографировала). В основном это лечебные заговоры и заговоры для скота. Нина сказала, что заговоры для скота были переданы свекром. Кроме того, там было несколько рецептов из народной медицины.

Мой коллега оставил Нине заговоры, записанные в экспедиции. Она была ему очень признательна.

Исходя из приведенных примеров, отношение знахарок к печатной продукции можно представить следующим образом. Первая, Лариса, считает, что сила заговоров передается устно и печатные заговоры в книгах — чепуха. Но в то же время у нее вызывает страх тот факт, что у соседки-племянницы есть книги по магии. То есть она не совсем отрицает силу печатных заговоров. Вторая, Анна, считает, что и наследственные и печатные заговоры помогают. Для своей практики она с удо-

вольствием получает и заговоры, собранные фольклористом. Третья, Нина, не отказывается записывать печатные заговоры Ванги. Судя по содержанию данной тетради, тетя Надя, которая передала ее Нине, пользовалась и печатными заговорами. Таким образом, даже знахарки, посвященные в тайное знание по наследству, более или менее признают силу заговоров, опубликованных в массовых изданиях, и такие заговоры тоже передаются как часть мастерства.

Чьи заговоры?

Лариса, Анна и Нина признают силу печатных заговоров, но для них наследственные заговоры и печатные тексты не совсем равнозначны. Лариса пользуется только наследственными заговорами. Анна пользуется обоими видами заговоров, но показывает исследователям не все. Она четко отличает тайное знание от того, которым можно делиться. В тетради Нины тоже есть два вида заговоров. Она пользуется обоими и показывает их исследователям, отмечая при этом печатное происхождение некоторых текстов.

Часто можно услышать такие суждения о заговорах, как «У меня хороший заговор», «Я имею хороший заговор» или «Он дал мне хороший заговор». Из подобных высказываний очевидно, что заговор является чьей-то «собственностью». Наследственные заговоры когда-то были заговорами матери, свекрови и т.д. Поэтому те, кому были переданы заговоры, сами решают, отдавать или не отдавать и кому отдавать. Тогда что можно сказать о печатных заговорах, которые так легко достаются всем? Чьи эти заговоры?

Вернемся к печатным заговорам. Целительница Степанова, о которой мы уже упоминали, говорит в своей книге, что бабушка передала ей магическое знание⁹. Она печатает его, представляет читателям. Можно ли считать, что собственное знание Степановой, полученное по наследству, передается читателям? С первого взгляда кажется, что да, но на самом деле это не так. Перед тем как знание достигнет читателя, существует еще этап. Приведем слова редактора ее книги: «Книга замечательной русской целительницы — на все случаи жизни. Воспользуйтесь пронесенными через столетия магическими заклинаниями наших предков, и в ваших силах будет уберечь себя, близких, вашу любовь и дом от болезней, неприятностей, измен и предательства»¹⁰.

Из этих слов ясно, что собственные ее заговоры были очень непринужденно перенесены в другой контекст. То есть заговоры, напечатанные в этой книге, не ее собственные, а заговоры «наших предков». Из этих слов следует, что у всех русских есть право знать об этом народном сокровище, изучать его и пользоваться им. Если это знание народа, то Степановой нельзя исключительно обладать им как сакральным знанием. Надо предоставить его своим соотечественникам. В тяжелых условиях настоящего времени считается, что заговоры должны быть разделены между всеми с целью взаимопомощи. Сегодня магическое знание всем доступно. Поэтому такая трактовка, что все могут заговаривать с помощью книг, звучит вполне реально и как будто правильно.

Благодаря такому превращению теперь все могут просто и дешево покупать заговоры. Но кто же осуществил подобное превращение, удобное для продажи огромного количества книг? «Капиталисты-бандиты», которые стремятся заработать, «злоупотребляя» фольклором? Да, можно сказать и так. Но есть люди, которые сыграли более важную роль. Это мы, фольклористы-этнографы.

Озадаченность информантов

Далее хотелось бы привести отрывок из одной публикации в журнале «Живая старина». Автор говорит с полесской колдуньей Гапой. Когда фольклористка зашла к ней, Гапа сказала:

«— Что надо? Отворожить, приворожить, кровь замовлять — все могу! Десять рублей.

Ничего себе, десять рублей при командировочных в сельской местности рупь сорок в день!

— Десять рублей, — повторила Гапа. — Вот Липа (видимо, односельчанка Гапы — Д. Ф.) списывала — десять рублей.

— Агафья Павловна, — сказала я опять немного торжественно и одновременно укоризненно, — Липа для чего списывала?

— Как для чего, для себя.

— А я вовсе не для себя. А чтобы для людей осталось, чтобы все это не забыли. Мне никакой пользы, а Вам слава. А Вы — десять рублей!

Гапа была озадачена. — Ну ладно, один приворот на горилку скажу, — после некоторого раздумья произнесла она»¹¹.

Как правило, приехавший в деревню фольклорист, уговаривая бабушку спеть ему песню или рассказать сказку, обязательно ссылается на то, что это необходимо для науки¹². Мне кажется, русские фольклористы радуются тому, что они могут раздавать деревенским бабушкам «славу», храня их заговоры или песни. При этом информант, награжденный славой, озадачен. Что значит эта озадаченность? Он озадачен от слишком неожиданной радости? Мы должны остановиться и подумать: что же происходит во время интервью между собирателем и информантом?¹³

Для информанта не только магическое знание, но и песни и сказки являются индивидуальными. Они передавались от одного частного лица другому. В обычной жизни человек не осознает себя носителем народной традиции. Поэтому ее можно продавать за десять рублей, как Гапа. Но однажды приходит человек, который называет себя исследователем из Академии наук и сообщает бабушке, что ее знание — сокровище русского народа или важная часть знания наших предков. Этот фольклорист обещает бабушке напечатать ее рассказ в журнале Центра русского фольклора «Живая старина» даже с фотографией, или поместить в серию типа «Памятники русского фольклора», или вечно хранить в архиве. Представьте удивление деревенской бабушки, внезапно превращенной в носителя культурного наследия «воображаемого сообщества»¹⁴ — то есть русского народа. Из-за того что фольклорист делает ее знание признанным, знание начинает занимать совсем другое место в душе бабушки. «Мое» знание превращается в знание «русской нации». Тот процесс, который происходит во время интервью, не что иное, как переворот сознания. Фольклорист, который собирает традицию для ее хранения, резко меняет образ существования традиции. В различных русских архивах хранится огромное количество фольклорных материалов, собранных многими фольклористами начиная с XIX в.

Я тоже из тех, кто принимает участие в этом процессе. В экспедиции меня все время засыпают такими вопросами: «Для чего?», «Зачем тебе это нужно?» На эти вопросы, чувствуя себя как-то неловко, отвечаю: «Я бы хотела познакомить японцев с русской культурой» или «Интересуюсь русской историей». Тогда бабушки говорят: «Нечего говорить». Им и во сне не

снилось, что они могут рассказать то, что стоит внимания странного исследователя. Но добрые русские бабушки не выгоняют прочь незваного гостя из далекого края. Хотя и смущенно, но все-таки приглашают войти в дом и терпеливо отвечают на мои «странные» вопросы. Я внимательно слушаю все их ответы, записываю и фотографирую. И эта моя экспедиционная практика ненамеренно меняет что-то внутри информантов.

Приведу конкретные примеры. У знахарки Ларисы до меня раза три побывал мой коллега Логинов. Кроме него, огромное количество исследователей ходили к ней. Даже есть записи на видео, где Лариса показывает, как надо снимать порчу с охотника и отправить охотника на медведя. Записей о том, как она отпускает скот пастись на лето, не менее пяти. Поэтому когда мы зашли к ней в 2002 г., ей уже было хорошо понятно, что мы хотим от нее услышать. Она сама рассказала о нескольких магических обрядах. С Ниной в тот раз мы встречались впервые. Ей заранее все было объяснено через знакомого. Она согласилась все нам рассказать, показать и пришла с тетрадями туда, где мы ночевали. Беседа с ней началась очень гладко.

Все было совсем по-другому, когда без всякого предупреждения мы зашли к Анне. Она была сильно удивлена и сначала она совсем не поняла, для чего мы пришли. Мы сказали, что мы интересуемся стариной, но она не поняла, каким образом эта «старина» имеет отношение к ней. Мы сказали, что интересуемся магическим знанием. Но Анна не поняла, для чего нам это нужно. После нескольких наших вопросов она поняла, чего мы хотим. Только тогда Анна успокоилась и рассказала нам много интересного. Через два часа, когда мы заканчивали интервью, она уже более или менее знала, что она носитель русской культуры, достойная того, чтобы познакомить с ней японских читателей.

Действительно, что же происходит в душе информанта, когда он осознает это? Молодая фольклористка А. Буенок, делая свежими впечатлениями от экспедиции, с некоторым смущением передает слова одной знахарки, которая спрашивает себя, открыть ли собирателю тайное знание или нет: «Может быть, это тебе в твоей науке пригодится. Для чего мне все это? Зачем?»¹⁵

Как только фольклорист сообщает информанту, что его магическое знание — сокровище русской нации и начинает уговаривать отдать его для вечного хранения, информант начинает страдать от противоречий. Как правило, это знание личное и тайное, которое нельзя открывать никому, кроме избранных наследников. Оставить его себе, как собственное тайное знание, или подчиниться авторитету Академии наук и отдать его во имя не очень понятной для информанта высокой цели? Те слова, которые приводит Буенок, прекрасно показывают нам колебания в душе знахарки. Вполне возможно, что добрая знахарка отдаст все для развития отечественной науки. Но тогда исследователь скажет: «Идет процесс десакрализации магического знания», — не замечая, что, на самом деле, он сам вызвал этот процесс.

Реакция на фольклориста

Вообще, по происхождению изучение фольклора тесно связано с национализмом или романтизмом. Огромный вклад в рождение и развитие идеи русского национализма внес немецкий философ И.Г. Гердер¹⁶. В своей работе ученый подчеркивает, что все народы индивидуальны, в каждом вопло-

тис присущая ему духовность и плоть; индивидуальность каждого народа проявляется в истории, литературе, религии, искусстве, обычаях, языке¹⁷. В XIX в. некоторые интеллигенты откликнулись на это и начали собирать фольклор, увидя романтизм в культуре простого народа. П.Н. Рыбников, А.Ф. Гильфердинг и Н.И. Ончуков, которые ездили на Север, были из их числа. Они — «предки» русских фольклористов. Как отмечает английский политсоциолог Э. Геллнер, национализм порождает нации, а не наоборот¹⁸. В XIX в. идея национализма была популярна только среди интеллигентов. Понятие «нация» не имело никакого значения для крестьян, которые составляли большинство населения Российской империи¹⁹.

Национализм, рожденный в конце XVIII в., постепенно проникал в массы. Фольклористы также способствовали его распространению. Обходя даже самые отдаленные края, они превращали деревенских бабушек в носителей национальной культуры. Фольклористы постепенно создавали в душах масс традиционную культуру русского народа, которую имели в своей душе, через составление и издание фольклорных материалов в качестве свода национальной культуры.

Русский национализм, непосредственно связанный с сегодняшней тенденцией возвращения к отечественной традиции, появился во второй половине 60-х годов XX в. Это была реакция на советский идеологический кризис, начавшийся в период хрущевской оттепели²⁰. На этот раз люди, которые хотели иметь связь с историей, искали свои корни в образе уже построенной традиционной культуры. С отменой цензуры в 1990 г., такую потребность стали удовлетворять «масс-знающие». С помощью массовой информации они перевели в область применения знание русских предков, которое фольклористы создали за долгие годы своей экспедиционной практики. «Масс-знающие» сделали так, чтобы знание стало доступно всем соотечественникам, потому что это «наше» знание. При этом нелегкая обстановка переходного периода помогала развитию отребления заговоров.

Интересна цитата из «псевдофольклорного издания» Степановой. Открывая читателям свой «оберег от глада и нищеты», она пишет: «Я не вполне уверена, имею ли я право давать этот оберег в своем учении. Но думаю я, что коль этот оберег передан мне в наследство через века, то ничего плохого не будет, если чьи-то дети не станут голодать, имея в своем доме этот Святой Оберег»²¹.

Открыть ли тайное знание, чтобы помочь незнакомым соотечественникам, — это колебание совпадает с колебанием знахарки, которая спрашивает себя, открыть ли заговоры собирателю для развития отечественной науки. Оба колеблются между националистическим чувством к воображаемому русскому сообществу и прежним отношением к тайному знанию.

Таким образом, можно сказать, что современные «шарлатаны» являются «нежданным ребенком» экспедиционной и издательской практики фольклористов. На переворот сознания, совершенный фольклористами, массы ответили изданием практических книг по магии, называя их народным сокровищем, точно так же, как их называли фольклористы. В таком случае, есть ли право у нас, у фольклористов, обвинять «масс-знающих» в «шарлатанстве», не пересматривая свою деятельность?

После провозглашения независимости колоний в Азии и Африке японская и западная культурная антропология (этнография и фольклор в том числе) была вынуждена резко изме-

нить свой взгляд на методы изучения этих стран. Причиной послужили возражения местных исследователей — бывших «варваров» — на содержание работ западных ученых-этнографов. После этого наши культурные антропологи начали задумываться о том, что такое этнографическое описание, может ли оно быть абсолютно объективным. Каковы взаимоотношения между описывающими и описываемыми и у кого есть право описывать культуру определенного народа? Таким образом, в настоящее время мы стараемся с критической точки зрения пересмотреть свою экспедиционную и исследовательскую практику. Необходимо осмыслить целый ряд проблем: какое влияние может оказывать экспедиция на деревенских людей, как описывать традицию русского народа, только ли у исследователя есть право называть какой-то элемент традицией. Думаю, что русская фольклорная практика тоже обязана пересмотреть свое отношение к этим проблемам.

Наверно, нет ни одного исследователя русских заговоров или народной медицины, который бы не читал произведения земского врача Г. Попова «Русская народно-бытовая медицина». Как Попов говорит в предисловии, во время лечения ему постоянно приходилось бороться с «заблуждением» народа. Он издал эту книгу, как этнографические материалы, полагая что подобные «заблуждения» мешают официальной медицине. Поэтому, чем быстрее и лучше они будут выявлены, тем скорее они исчезнут и потеряют свое применение в жизни²². В этой книге он много раз называет деревенских знахарей «знахарями-шарлатанами»²³. Но как ни удивительно, спустя целый век его «шарлатаны» считаются одними из самых «настоящих» традиционных знахарей среди исследователей. «Настоящее» или «ненастоящее» является относительным понятием. Вполне возможно, что еще через век «шарлатаны» нашего времени станут традиционными и «настоящими». Бог знает!

Порою слышу из уст фольклористов жалобы: «Теперь настоящих знахарок совсем немного осталось». Но что такое «настоящее»? Как я писала во введении, по сегодняшней, уже общепризнанной теории, традиции обычно создаются в связи с отношением настоящего времени к прошлым. То есть нет никаких «настоящих» традиций. Все традиции изобретенные, «ненастоящие». Но с другой стороны, если определять всякие традиции как изобретенные, то можно сказать, что все традиции «настоящие»²⁴.

Одна из причин того, что «масс-знающих» часто называют «шарлатанами», заключается в том, что массовая информация появилась достаточно недавно. Я считаю, что фольклор просто приспособливается к современной ситуации. Ведь известно, что если случается какая-то беда, сначала люди обращаются к знахарке-односельчанке. Если она не может помочь, то идут в соседнюю деревню. Если все равно не помогает, то обращаются к самой известной знахарке в районе или в области. И масс-знающие очень естественно вписываются в этот ряд. Людям, которым нужна помощь, все равно, деревенские или массовые. Самое главное, «помогает» или нет.

В каком-то смысле верно указание на то, что печатные заговоры являются авторскими. Но, например, заговоры сибирской целительницы Степановой очень часто считаются унаследованными от ее бабушки и обладающими «настоящей» магической силой. Такими печатными текстами пользуются даже наследственно посвященные в магическую силу «настоящие» знахарки. Кроме того, книжные или газетные заговоры

записываются и передаются так же, как «настоящие» заговоры. Даже если они были авторскими во время выпуска, далее процесс фольклоризации несомненно протекает в ситуации, когда много людей воспринимает их как «настоящие».

Русская фольклористика постепенно расширяет ареал исследований. Теперь исследуются и фольклор книжного происхождения, и городской фольклор, и советский фольклор. Прошло десять с небольшим лет после того, как «масс-знающие» появились в России. Уж не пора ли нам признать нашего «нежданного ребенка» — фольклор масс-информационного происхождения? И сейчас он растет прямо на наших глазах не по дням, а по часам!

Примечания

¹ Иватакэ М. Предисловие // Политическая природа фольклора / Сост. М. Иватакэ. Токио, 1996. С. 26 (на японском языке).

² Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. М., 2000. № 1. С. 47.

³ См. статью К.К. Логинова в этом номере.

⁴ В оригинале написано «Н.С. Степанова», но, возможно, это опечатка. Скорее всего, имеется в виду Н.И. Степанова, которая известна как «сибирская целительница».

⁵ Кляус В.Л. Публикация русских заговоров 1997—1998 гг. // ЖС. 1999. № 1. С. 54.

⁶ Курец Т. С. Русские заговоры Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 3.

⁷ Морок А., Разумовская К. Знахарство: магия исцеления. М., 1999 (оборотная обложка).

⁸ <http://www.vdvsn.ru/papers/dachnaya/>

⁹ Степанова Н.И. Заговоры сибирской целительницы. М., 1996. Т. 1. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Никитина С.Е. О колдунах, «словах» и судьбах // ЖС. 1996. № 1. С. 53.

¹² Григорьева Г.Г. Стоит ли собирать фольклор? // ЖС. 2000. № 2. С. 40.

¹³ Подробнее эта тема рассматривается в следующих книгах: Writing Culture / Ed. by J. Clifford and G.E. Marcus. University of California Press, 1986; Rabinow P. Reflections on Fieldwork in Morocco. Berkeley, University of California Press, 1977; Crapanzano V. Tuhami: Portrait of a Moroccan. University of Chicago Press, 1980 и т.д.

¹⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М., 2001.

¹⁵ Буенок А.Г. Заговор: комментарий исполнителя // ЖС. 1998. № 1. С. 17.

¹⁶ Хироока М. Политическая культура русского национализма. Токио, 2000. С. 32 (на японском языке).

¹⁷ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. и примеч. А.В. Михайлова. М., 1977.

¹⁸ Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной. М., 1991.

¹⁹ См.: Hirsch F. The Soviet Union as a work-in-progress: Ethnographers and the category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // Slavic Review. 1997. Vol. 56-2.

²⁰ Хироока М. Указ. соч. С. 166—167.

²¹ Степанова Н.И. Заговоры и обереги. М., 2003. Т. 8. С. 5.

²² Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. VI—VII.

²³ Там же. С. 60, 64, 82 и др.

²⁴ См.: Handler R., Linnekin J. Tradition, Genuine or Spurious // Journal of American Folklore. 1984. Vol. 97. P. 273—290.

О.А. КАДИКИНА

«ДОБРЕНЬКАЯ ТАКАЯ ЖЕНЩИНКА, ТАКАЯ БОГОМОЛЕННАЯ»

«Уж на Бабу-Ягу похожа, такая — вся в морщинах, такая вся какая-то неухоженная, за собой, наверное, не смотрит <...> чем-то она отталкивала нас от себя» (1985, ж.)¹, — таким образом отзывалась 15-летняя информантка о деревенской колдунье. Связь этих двух материй — фольклорного образа, с одной стороны, и социальной роли, с другой — представляется нам не случайной. По мнению В.Я. Проппа, «многие из сказочных мотивов восходят к различным социальным институтам»². Нам представляется интересным проследить — как ложится фольклорный образ на те социальные контексты, в которых бытуют сюжеты; и наоборот — каким образом отражается эта социальная действительность в фольклорных текстах.

Материалом нашей статьи будут магические знания и описания тех персон, которые ими владеют (описания, полученные как из уст представителей локальной традиционной культуры, так и собирателей). Ни для кого не секрет, что у любого фольклориста, отправляющегося в полевую экспедицию, уже существуют определенные представления об интересующем его фрагменте традиционной реальности. Были они и у меня (в данном случае — о ритуальных специалистах). Работа в поле в чем-то изменила эти представления, расставила акценты. И, по сложившемуся у меня впечатлению, роль ритуального специалиста, как правило, разворачивается в образах Злой и Доброй старух. В пос. Усвяты, где была записана большая часть материалов, такое разграничение прослеживалось достаточно четко. О злых старухах говорят: «Ну ведьма — это типа Бабы-Яги, это ходит там... Типа колдуньи, которая привораживает <...> У нас так звали. Которая привораживает» (1933, ж.; 1933, ж.).

Наша же статья посвящена Добрым старухам. Первой, на кого нам указали местные жители сразу после приезда, была Марфа Филипповна Желудова, 1918 г.р.: «Бабушка она такая... веселая, была три раза замужем, жалеет, что в четвертый не вышла». Относятся к ней слегка с иронией (она и выпить любит, и поскандалить), но про нее говорят, что она помогает, «водичку дает». А кто-то ее и побаивается: «Ну вот, нас от школы отправляли вообще, сходить по каким-нибудь бабкам старым и взять какие-нибудь старые принадлежности, попросить для музея. И вот мы вот к этой бабке пошли, нам сказали, что там какая-то бабка старая живет, и вот мы к ней пошли, ну а там у нее лежала, мы к ней домой зашли, мы там испугались, там как-то темно, как-то ну как в каком-то погребке. Там на тряпках лежала какая-то ее сестра, наверное, самая старшая, у нее такие ногти были, загнуты такие, она так лежала, такая вся тоже в морщинах, глаз один закрыт, один открыт, страшно было, конечно, ну вот стали спрашивать <...> а она как на нас закричала» (1985, ж.). Марфа Филипповна гордится своей компетенцией в области магических знаний и совершенно открыто заявляет: «Я и сама делала. Колдовать», — и